

Народная артистка России, лауреат Государственной премии РФ К. Шадько

Вот закончила занятия со студентами – не могу языком шевелить. Даже глаза потухли. Глаза мгновенно выдают человека: можно сделать счастливое лицо, моложавую осанку, бодренький голос, а в глазах все-все сказано...

Со студентами всю себя – до дышка – вытрясаешь, а бросить это дело невозможно. Я всегда преподавала: сначала в училище культуры, потом у нас филиал Ярославского театрального института открылся, а теперь – в УлГУ актерское отделение. Молодежь многому учит: это и тренинг, и тонус, и партнерство. Выплевнешься, устанешь, кажется, нет больше сил, но как только организм восстанавливается, сразу начинается новая внутренняя работа. Ответственность-то какая! Только через молодых мы можем возродить потребность в настоящей культуре. Пусть не все ста-

На вручении Государственной премии РФ

*Театр – большое чудо! Приходишь на спектакль, садишься, уставший, в кресло, и оказываешься в другом мире. Не сюжет – нет, что-то иное захватывает, выворачивает душу наизнанку, и хочется выплеснуть со слезами и усталость, и волнения... И вот занавес закрыт, ты выходишь на улицу, а она светится радостью, фонари выглядят стройнее, дома – наряднее, лица прохожих – добрее... Ну что тут удивляться? Ведь речь идет о замечательном театре, каким является Ульяновский драматический. Сколько здесь заслуженных и народных, талантливых и неповторимых артистов! А в 2002 году в коллективе театра появились и лауреаты Государственной премии Российской Федерации. Среди них – своя, родная, близкая всем ульяновцам, рожденная театром и выросшая в театре, яркая, глубокая и непостижимая – **Кларина Ивановна Шадько!***

*Можно ли написать ее портрет в небольшом очерке? Вряд ли это смог бы сделать самый талантливый художник, и мы не решимся искать слова для такой величины, как Кларина Ивановна. Пусть штрихами к портрету будет ее монолог, а точнее – **размышления актрисы** после напряженного трудового дня, когда опустел класс, и последние студенты актерского отделения УлГУ нехотя покинули аудиторию.*

Все – Твое творение

нут артистами, но они заражены вирусом творчества, жаждут создавать и созидать, и они понесут культуру дальше.

Сцена тоже забирает много сил. Но предугадать невозможно, в каком состоянии ты будешь после спектакля. Иногда мертвая идешь на сцену, а тебя охватывает вдохновение, вовлекает партнер, умный зритель, переполненный зал! Несет волна, наполняет воздухом, радостью, восторгом причастия!

Господь подарил мне театр. Столько лет играю и не могу поверить, что это все со мной происходит. Какой подарок судьбы! Разве я могла подумать, девчонка из бедной, большой семьи, что буду артисткой? А что народной артисткой, лауреатом Государственной премии? Ни-ни... До сих пор не верю. Да и не важно это. Главное – всю жизнь на родной сцене...

Я еще на первом курсе училища была, а мой педагог Борис Михайлович Ратов уже ввел меня в спектакль. Училище культуры – вот оно, через дорогу от театра было: перешла дорогу и попала в театральную семью, где меня приняли, как родную дочь.

Мои бывшие студенты разъехались по всем городам России, пишут письма. Многим из них очень тяжело: здесь, в нашем театре, они чувствовали себя детьми, были обласканы старыми артистами, а там столкнулись с завистью и черствостью. Больно об этом читать. У меня было по-другому. Возможно, поэтому не смогла предать свой театр. Ведь сколько было интересных предложений! Особенно когда стала студенткой ГИТИСа, да и после, во время гастролей, всегда получала заманчивые приглашения в самые престижные театры.

Как-то Василий Макарович Шукшин пригласил меня на роль в кино. Нужно было ехать на съемки на Алтай, а Ульяновский драматический готовился к ответственным гастролям, и режиссер говорит: «Да как ты можешь подвести СВОЙ театр!» Я не могла подвести. Уйти тоже не могла, и никогда об этом не пожалела. Это – мой дом. Здесь прошла моя жизнь.

Трудностей хватало, но они компенсировались радостью творчества. Я ведь никогда не гнушалась черной работы: ни массовок, ни срочного ввода, когда за ночь надо выучить роль. Ни от какой работы не отказывалась. Я так считала: если надо взять половую тряпку в руки – сойди с трона и возьми, и судьба будет к тебе благосклонна.

Счастливая у меня актерская судьба: столько было замечательных ролей, интересных гастролей! Были престижные награды на международных фестивалях (получала звание лауреата фестивалей болгарской, немецкой драматургии). У нас периферийный театр, но он очень котировается, большим авторитетом в театральных кругах пользуется художественный руководитель Ю.С. Копылов. Недаром пять человек получили звание лауреатов Государственной премии. Это событие из разряда сенсаций.

Ульяновский драматический театр считается живым, творческим... Но как он беден! Высочайшая оценка на всероссийском уровне никак не отразилась на отношении к театру здесь, в Ульяновске. Никаких подвижек с реконструкцией, малая сцена вообще в аварийном состоянии, а она так необходима для работы. Техническое оснащение театра устарело, вышло из строя. О нищенском существовании актеров вообще говорить больно... В

коллективе много семейных пар. Если муж и жена получают по полторы тысячи рублей в месяц, да еще и с задержкой, как им растить детей? В чем выйти на улицу? Это стыдно...

Люди разучились наслаждаться жизнью, но это неправильно, нужно из всего извлекать наслаждение, радость. Раньше и я много путешествовала, отдыхала на море. Теперь таких возможностей нет. Ну, что ж... Люблю в земле копать, трогать ее, ощущать. Она живая, нежная, с запахом. Где-то за рубежом актрисы выращивают прекрасные цветы, а мы – морковку. И за это благодарю Бога! Иду по улице – радуюсь: что небо до меня снизошло, что листочки распустились, травинка тянется. Все звучит, копошится, а ты растворяешься в живом жужжании, становишься частью творения. Все – Твое творение, Господи, спасибо Тебе...

Как рождается сценический образ? Всегда по-разному: иногда – сразу, а порой – по капельке, мучительно долго. Огромное значение имеют внешние факторы: идешь по улице, и вдруг улавливаешь взгляд, походку, обретаешь лицо. Больше всех мне помогает мама. Когда она была жива, я многого не ценила, настоящее общение началось позже, когда мама ушла. Сколько я черпаю из ее образа! Неистощимый родник. Вселенная...

Мне везло на роли: всегда доставались разноплановые герои. Одновременно с Варькой из «Поднятой целины» играла Любовь Яровую и Любовь Менделееву. А ведь над многими актерами довлело амплуа. К счастью, амплуа теперь изгнаны жизнью, они опасны: стереотип накладывает отпечаток на облик и характер актера. Примерил на себя лицо-одуванчик – понравилось, сыграл одну, вторую роль – и закрепился облик надолго, а то и навсегда.

Есть такая профессия – заглянуть в другую профессию. Как хирург готовится к операции, как надевает перчатки? Чтобы уловить характерные жесты, надо постоять на операции, все запомнить. Что только не приходилось делать! На всех музыкальных инструментах пробовала играть.

Жизнь проходит на сцене. Здесь мы любим, разочаровываемся, делаем открытия. Сцена творит чудеса. Она может неожиданно соединить совсем разных людей, которые не один раз отыграли в одном спектакле героев-любовников, а тут вдруг какая-то искра вспыхнула, и на десятом спектакле актеров посещает любовь. Объяснить это словами невозможно. Любовь – большая опасность, но это – дар Божий, озарение, прорыв сквозь черноту. «В начале было Слово, и Слово было Бог...» А

Бог есть Любовь. Вот такая цепочка: Слово – Бог – Любовь.

Если любви долго нет, мы создаем ее в воображении и держимся, как за соломинку. В воображении любовь живет до тех пор, пока через слово не обретает плоть, а дальше – как волна: сначала маленькая, потом – выше, мощнее, накатывает, захлестывает – брызги и слезы! И снова – неожиданно – штиль...

Скорбит душа по неустроенности России. Но бежать от своей земли – нет, невозможно. С возрастом такое открывается – словами не объяснишь. Любимая роль – Старуха в «Последнем сроке» Валентина Распутина. Это моя мама. Здесь она сама мне открылась и меня открыла, суть жизни донесла. Боже мой, какая глубина... И откуда он, Валентин Распутин, это все узнал и понял? Душу русскую понял, ее красоту, песни наши! До сих пор тоскую по этому спектаклю. Конечно, всякий спектакль имеет свой срок на сцене: рождается – умирает, но именно сейчас Валентин Распутин более всего необходим нашему человеку, чтобы в себе разобраться, в своей истории. В России нынче и среди богатых людей немало таких, кто способен понять то, что говорит писатель, кто верит в нашу особую русскую запрограммированность.

«Пошто вы такие беспамятные? – обращается Старуха к детям в «Последнем сроке». – Память о том месте, где вы родились, так ить это душа ваша, а душу беречь надо». Сколько мудрости в каждом слове! «Смогла бы я прожить по-другому? А зачем? Без тебя на твое место никто не заступит, без тебя никто тобой не станет. Из своей шкуры не выскочишь – не змея... Своя жизнь – своя краса... Человек сюда для пользы приходит».

Рядом с Валентином Распутиным я могу только Василия Шукшина поставить. Вот кто знал анатомию русского мужика! Пьяненький, неприглядный, запутавшийся деревенский мужик в рассказах Шукшина – как обнаженная душа на ладони: розовенькая, чистая, прозрачная. И никому там, за океаном, этой глубины не достичь...

Оказывается, родовые корни Василия Макаровича ведут в Симбирск. Возможно, и у нас скоро откроется филиал Центра Шукшина.

Благодарю Бога, что в России живу, что одному театру всю жизнь служу, родные глаза моего зрителя каждый день вижу. Одна запись в трудовой книжке: зачислена, и вторая запись уже не понадобится...

Вот расхвалилась я нынче... Радость-то надо в душе держать – только там она теплится. Когда чувствуешь в душе благодать, не торопись растворить ее в слове.

